

М.Г. Покидченко

д.э.н., проф., Институт экономики РАН, Московский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье рассматривается социальная теория распределения одного из крупнейших российских экономистов конца XIX – начала XX вв. М.И. Туган-Барановского, получившая после ее опубликования в 1913 г. большой резонанс как в российской, так и мировой экономической науке. В статье исследуются социально-экономические и политические предпосылки этой теории, которые получили свое завершение в активном формировании системы социального законодательства в странах Западной Европы в конце XIX в. Россия существенно отставала от Запада в решении «социального вопроса», но и в ней начали появляться первые элементы фабричного законодательства. К сожалению, нежелание российского правительства преодолевать социальные противоречия путем реформ привело к февральской и октябрьской революциям 1917 г. Далее в статье проводится анализ социальной теории распределения Туган-Барановского в сравнении как с предшествующими, то и с современными ей теориями доходов – речь идет о теориях представителей классической политической экономии, теории Маркса и теориях маржиналистского и институционалистского направлений экономической науки начала XX в. Особенно следует выделить размышления о теории Туган-Барановского, относившейся в целом к институционалистскому направлению в экономической науке, А.Д. Билимовича, главы маржиналистской «киевской школы». В итоге делается вывод о том, что главной причиной большой популярности «социальной теории распределения» Туган-Барановского в начале XX в. была актуальность самой проблемы в это время в странах Европы, а также смена парадигм в экономической науке на рубеже XIX–XX вв. и, в частности, формирование институционалистского направления.

Ключевые слова: *распределение доходов, теории доходов, история экономической науки, экономическая наука России.*

Классификация JEL: B15, B31, B41.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00006.

Проблема социальной справедливости является вечной. Она появилась вместе с человеческим обществом и очевидно останется до его конца. В то же время дискуссионными были и остаются как само понятие социальной справедливости, так и проекты ее достижения. Появление каждого нового варианта социальной системы обязательно сопровождается вопросом о его справедливости, всегда существуют сторонники и противники определенного социального строя.

Когда капитализм после голландской, английской, американской и французской буржуазной революции стал в XIX в. оформляться как определенная социальная система, появилась проблема социальной справедливости и стала занимать все больше места в экономической науке. Правда, социальные «обиды» трактовались по-разному. Некоторые буржуазные экономисты начала XIX в., в частности Рикардо, доказывали, что капиталистов «обижают» земельные собственники, другие (Сэй и Бастиа) наоборот утверждали, что при

капитализме существует социальная гармония. Напротив, Сисмонди и социалисты-утописты объявляли капитализм несправедливым обществом, где капиталисты угнетают мелких производителей и наемных рабочих. Два крупнейших экономиста середины XIX в., Милль и Маркс, по-разному смотрели на проблему социальной несправедливости при капитализме. Милль предлагал совершенствовать капитализм путем реформ, создавая институты поддержки слабейших членов общества, Маркс – путем революции и разрушения «мира насилия», а затем построения иной, справедливой социальной системы.

В конце XIX в., когда в рамках буржуазной линии экономической науки появилось два новых направления – маржинализм и институционализм, они заняли разные позиции по проблеме социальной справедливости. Маржиналисты продолжили развивать идею Сэя и Бастиа о социальной гармонии при капитализме, утверждая, что рынок и свободная конкуренция всех уравнивает, а представители исторической школы (предшественницы институционализма) выступали за социальные реформы, создав теорию «государственного социализма». На этих же позициях были английские фабианцы и др. Представитель исторической школы в России Иванюков писал: «Сходство общих условий экономического порядка в европейских государствах и Соединенных Штатах Америки имеет результатом то, что от Стокгольма до Неаполя и от Берлина до Чикаго социальные вопросы стали предметом живейшего обсуждения, предметом страхов и упований в литературе, парламентах, общественных собраниях и среди государственных людей» [Иванюков, 1904. С. 148]. Во всех развитых странах Европы и в США стали, хотя и в разной степени, разрабатывать и проводить в жизнь законы, направленные на поддержку социально слабых слоев общества, прежде всего наемных рабочих.

Определенным этапом разработки социального и, в частности, фабричного законодательства в отдельных странах стала международная конференция, проведенная в 1890 г. в Берлине. На ней присутствовали делегации Германии, Франции, Англии, Австро-Венгрии, Италии, Испании, Португалии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Дании, Швеции и Норвегии, обменивавшиеся опытом социальной политики. Как видим, представителей России там не было. Как писал российский министр финансов С.Ю. Витте в декабре 1895 г.: «В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочим. ...Когда в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства, тогда не приходится прибегать к применению писаного закона и принуждению» [Корелин, Степанов, 1998. С. 50.]. И лишь в 1897 г. с большими трудностями в России был принят закон, ограничивающий продолжительность рабочего дня 11,5 часами, и понемногу стали разрабатываться другие «социальные» законопроекты. (Правда, следует сказать, что некоторые крохи социального законодательства, касающиеся прежде всего ограничения женского и детского труда, начали появляться в России с 1882 г.).

Хотя реальное осуществление социальной политики в России продвигалось, преодолевая упорное сопротивление правящих классов, передовая российская интеллигенция очень интересовалась «социальным вопросом» и в общественном, и в научном плане. Правда, социология как учебная дисциплина до 1917 г. была запрещена в российских университетах, несмотря на то, что российские социологи были уже хорошо известны за рубежом. Тем не менее в политической экономии «социальный вопрос» занимал все большее место.

Уже упомянутый выше декан экономического факультета Петербургского политехнического института И.И. Иванюков писал в своей книге «Основные положения теории экономической политики от Адама Смита до настоящего времени», что «ход современной истории европейских народов выдвинул на первый план, как злобу дня, жизненные вопросы чисто социального свойства. Как следствие этого, много ученых и сравнительно большая часть образованной публики обращают в настоящее время свое внимание на изучение явлений социальной жизни. Социальные вопросы стали предметом обсуждения прессы, парламентов, научных обществ, конгрессов» [Иванюков, 1904. С. 8]. Причиной

этого, по мнению Иванюкова, стало нарастающее к концу XIX в. понимание того, что буржуазная революция, проходившая под лозунгом: «Свобода, равенство, братство», и капиталистическая действительность не соответствуют друг другу. «Французская революция уничтожила все юридические привилегии и декретировала равенство людей перед законом, свободу личности, труда и собственности... Действительность скоро показала, что безграничная свобода промышленности, труда, собственности, новая политическая организация государства составляют прямой интерес представителей капитала и крайне неблагоприятны для представителей труда» [Там же. С. 1–2]. Слова Иванюкова выражали общественное мнение. Даже Блок писал, что «под знаком равенства и братства здесь зрели темные дела» [Блок, 1955. Т. 1. С. 484].

Иванюков критиковал экономический либерализм, так как, по его мнению, «невмешательство государства в хозяйственные отношения общества... составляет интерес крупной буржуазии, как представительницы капитала: оно есть услуга, оказываемая государством капиталу за счет труда» [Иванюков, 1904. С. 37]. «Это противоречие хозяйственного развития, составляющее характеристическую черту современного социального строя, есть причина многих важных явлений общественной жизни. Прежде всего, в нем заключается корень так называемого “социального вопроса”» [Там же. С. 81]. Поэтому, делал вывод Иванюков, в настоящее время «западная культура находится в состоянии кризиса и ищет новые основы социальной жизни» [Там же. С. 9]. Речь шла о разработке и осуществлении социальной политики, выравнивающей взаимоотношения рабочих и капиталистов.

Вот в таком историческом контексте появилась «социальная теория распределения» коллеги Иванюкова, профессора политической экономии Петербургского политехнического института М.И. Туган-Барановского, одной из причин появления которой он указывал необходимость теоретического обоснования государственной социальной политики. «Этот переворот в области социальной политики нуждается в изменении теории, – писал Туган-Барановский в заключении своей работы. – Вышеизложенная социальная теория распределения пытается обосновать правильность новой практики и вместе с тем пытается доказать, что эта практика гармонизирует с реальными силами, обуславливающими распад общественного продукта на доход рабочих и нерабочих классов» [Солнцев, Туган-Барановский, Билимович, 2009. С. 374].

Работа Туган-Барановского «Социальная теория распределения», опубликованная в 1913 г. одновременно в России и в Германии, сразу привлекла к себе большое внимание и стала обсуждаться как в отечественной, так и зарубежной литературе. Интерес к ней в экономической науке сохранялся достаточно долгое время. В качестве примера можно привести учебник по всемирной истории экономических учений, изданный в Западной Германии в 1948 г. [Kruse, 1948], где этой теории посвящено полторы страницы при общем объеме учебника в 200 страниц. В то же время оценки социальной теории распределения Туган-Барановского были неоднозначны как при его жизни, так и в последующее время. В частности, один из крупнейших историков экономической мысли Й. Шумпетер оценивал ее не очень высоко, считая главным вкладом Туган-Барановского в развитие экономической науки его теорию экономического цикла.

В качестве теоретической причины разработки своей теории Туган-Барановский указывал неудовлетворительность обоснования проблемы распределения доходов в современных ему направлениях экономической науки. «... нет никакой общепринятой теории заработной платы, – писал он, – и в этой области экономической теории царит самый беспринципный эклектизм» [Солнцев, Туган-Барановский, Билимович, 2009. С. 300].

Что же предлагала в это время экономическая наука по проблеме распределения доходов? Другой современник и теоретический противник Туган-Барановского, киевский профессор политэкономии А.Д. Билимович, стоявший на позициях маржинализма, писал в 1916 г., что «господствующим воззрением экономистов является взгляд на образова-

ние доходов, то есть на тот процесс, который обычно называется распределением, как на частный случай образования цены» [Там же. С. 377]. В данном случае речь идет о ценах факторов производства – труда и капитала. (Интересно, что, хотя в начале XX в. маржинализм еще не стал общепризнанным мейнстримом экономической науки, Билимович уже приписывал ему эту роль). К своим единомышленникам в области теории доходов он относил своих предшественников по «киевской школе» Бунге и Пихно, а также зарубежных маржиналистов – Менгера и других представителей австрийской школы, Вальраса, Парето, Касселя, Эджуорта, Кларка, Феттера, Селигмена, Карвера, Шумпетера и Ландри.

В противоположность точке зрения маржиналистов Туган-Барановский в своей социальной теории распределения утверждал, что «методологическая наука не в праве рассматривать продавца одного из товаров как более сильного или более слабого в социальном отношении, чем продавца другого товара. Ввиду этого в основе теории цены лежит предпосылка социального равенства участников меновых актов» [Там же. С. 310]. «Другое дело феномены распределения... участники актов распределения не только не равны в социальном отношении, но именно в этом неравенстве и состоит сущность самого феномена распределения» [Там же. С. 310]. В результате, делал вывод Туган-Барановский, «процесс распределения социального продукта между различными общественными классами, которые внутренне связаны в процессе капиталистического хозяйства, не представляет собой простого менового процесса, но есть сложный результат борьбы социальных классов за увеличение принадлежащей им доли общественного продукта, борьбы, в которой силы борющихся сторон в высшей степени неравны» [Там же. С. 335].

Следовательно, считал Туган-Барановский, для создания гармоничной социальной системы необходима государственная политика, устраняющая социальное неравенство и не являющаяся орудием господствующего класса. В коллективной монографии «Народно-хозяйственная политика», вышедшей в России в 1914 г., приводился обзор теоретических обоснований экономической, и, в частности, социальной политики. Позиция Туган-Барановского характеризовалась там следующим образом: «...Туган-Барановский считает, что только философское учение о нравственности (этика) может дать экономической политике руководящие начала, и что основным началом политики должна сделаться мысль о бесконечной ценности человеческой личности. Общественным идеалом, по Туган-Барановскому, является для нас такой строй жизни, при котором каждая личность получает полную свободу для осуществления своих высших целей» [Народно-хозяйственная политика. 1914. Ч. I. С. 2]. Такой «общественный идеал» Туган-Барановского объяснялся тем, что, будучи в конце XIX в. марксистом, он в начале XX в. перешел на позиции «этического социализма», в котором ключевой фигурой являлся человек, а не класс, что, правда, не уменьшало интереса Туган-Барановского к отношениям между социальными группами.

Социальный подход к теории распределения, альтернативный теории цен на факторы производства, был характерен не только для Туган-Барановского. Сам он указывал многих своих предшественников, начиная с Аристотеля, но одной из центральных в экономической науке проблема распределения стала, начиная с теории Рикардо, который писал, что «определить законы, которые управляют... распределением – главная задача политической экономии» [Рикардо, 2007. С. 79]. Распределение же стоимости на доходы зависит, по мнению Рикардо, от доли каждого дохода в величине стоимости или, другими словами, от взаимозависимости доходов. «Повышение заработной платы не повышает цены товара, но неизменно понижает прибыль...» [Там же. С. 153]. Сам Туган-Барановский приводил еще более радикальное высказывание Рикардо в его письме к Мак-Куллоху: «... вопросы о ренте, заработной плате и прибыли следует объяснять пропорциями, в которых общественный продукт делится между земельными собственниками, капиталистами и рабочими, пропорциями, которые по существу не связаны с учением о ценности» [Солнцев, Туган-Барановский, Билимович, 2009. С. 304].

Еще дальше пошел Дж. С. Милль. Он утверждал, что «законы и условия производства богатства имеют характер истин, свойственных естественным наукам», а «...распределение богатства зависит от законов и обычаев общества. Правила, которые определяют распределение богатства, таковы, какими их делают мнения и желания правящей части общества, и весьма различны в разные века в разных странах» [Милль, 1980. Т. 1. С. 337–338]. И далее Милль фактически подошел к задаче формирования социальной политики и исследования ее роли в экономике, утверждая, что «общество может подчинить распределение богатства любым правилам, какие оно считает наилучшими; но какие практические результаты проистекут из действия этих правил – это должно быть открыто, подобно любым другим физическим или отвлеченным истинам» [Там же. С. 339]. (Хотя экономическая наука со времен Милля продвинулась далеко вперед, многие вопросы о последствиях социальной политики до сих пор остаются дискуссионными – как, например, сочетать рост налогообложения бизнеса, за счет которого осуществляются социальные программы, и рост инвестиций, или как сочетать рост продолжительности жизни, происходящий за счет увеличения расходов на медицинское обслуживание, и необходимость увеличения расходов на пенсии и т.д.)

Таким образом, одна из идей, на которую опирался в своей теории Туган-Барановский и которая уже была в теориях Рикардо и Милля – противопоставление законов производства богатства и законов распределения его на доходы.

Более компромиссно подходили к законам распределения другие предшественники Туган-Барановского, на которых он, правда, не ссылался – Георгиевский в России и Бернштейн в Германии. Э. Бернштейн, известный деятель международного социалистического движения, писал в 1901 г., что «проблема заработной платы – социологическая проблема, которая никогда не может быть объяснена чисто экономически», следовательно, наряду с экономическими причинами «распределение общественного богатства во все времена было вопросом силы и организации» [Солнцев, Туган-Барановский, Билимович, 2009. С. 390]. Профессор Петербургского университета П.И. Георгиевский в своих учебниках «Политической экономии» 1896 и 1901 гг. выдвигал «теорию общественности», составной частью которой было положение о том, что несмотря на то что доходы первоначально определяются факторами производства, а затем – соотношением спроса и предложения на эти факторы, зависят, кроме того, от «влияния» и «силы» каждого класса [Там же. С. 389–390].

Еще одна группа экономистов предлагала такой подход уже ко всем экономическим отношениям, а не только к проблеме распределения. В частности, немецкий экономист Е. Дюринг, против которого была написана известная работа Энгельса, предлагал различать в экономике естественную, политическую и правовую стороны, выдвигая для обоснования последних двух так называемую «теорию насилия». «Экономические факты прожитой истории, – писал он в 1873 г. в своей работе «Курс национальной и социальной экономии», – могут быть научно поняты только путем исследования тех видоизменений, которые являются результатами действия общих естественных законов всякого хозяйства под влиянием данных политических форм подчиненности и группировки» [Там же. С. 383]. Появившаяся затем в Германии на рубеже XIX–XX вв. «социально-правовая школа» делала еще больший упор на роль правовых отношений в экономике, отношений «господства и права, которые люди сами установили для себя, как существа обладающие свободой воли» [Там же. С. 387]. Поэтому и применительно к проблеме распределения представитель этой школы Р. Штольцман писал в 1896 г.: «Величина заработной платы, прибыли на капитал и ренты является также результатом социальных отношений власти, а не одного естественного действия сил, участвующих в производстве» [Там же. С. 386]. Интересно, что Е. Бем-Баверк, принадлежавший к маржиналистскому направлению, объявил, что разделяет эти идеи Штольцмана. «Я также, как и Штольцман, убежден, – писал он в 1898 г., – что действительное образование наблюдаемых нами отношений цены и дохода должно быть объяснено соединенными и проникающими друг в друга чисто хозяйственными влияниями и социальными факторами господства.

Крупная и еще не решенная удовлетворительно проблема состоит, поэтому, в выяснении рода и меры влияния, идущего с каждой из этих двух сторон...» [Там же. С. 401].

Еще одну теорию, отчасти близкую социальной теории распределения Туган-Барановского, но несколько отличающуюся от выше названных, выдвинул в самом начале XX в. П.Б. Струве. В 90-е годы XIX в. он, также как и Туган-Барановский, был марксистом и членом РСДРП, но в начале XX в. резко изменил свои взгляды. В области политической деятельности он стал одним из лидеров партии конституционных демократов, а в экономической науке стал одним из родоначальников институционализма в России. В своих публикациях, начиная с цикла статей в журнале «Жизнь» (1899–1900) и до окончательного варианта этой идеи в монографии «Хозяйство и цена» (1913. Ч. 1.), Струве предложил различать в экономике «хозяйственные отношения» (между человеком и природой), «междухозяйственные» (между индивидуальными хозяйствами) и «социальные», вытекающие «из социального неравенства находящихся во взаимодействии людей» [Там же. С. 391]. «Разные виды социального строя, – писал он, – могут быть расположены по степени осуществления в них начала равенства (или неравенства). Иначе говоря: социальный строй характеризуется отношениями господства и подчинения между человеческими индивидуальностями» [Струве, 1913. Ч. 1. С. 16].

Проблему распределения Струве относил к «социальным отношениям». «Проблема распределения общественного продукта между классами, – писал он, – не связано непосредственно ни с вопросом создания продукта, ни с вопросом об образовании и мере ценности, а является, по существу, проблемой присвоения продукта (и ценностей) различными агентами общественного производства...» [Солнцев, Туган-Барановский, Билимович, 2009. С. 391]. Казалось бы, позиции Струве и Туган-Барановского совпадают, но дело в том, что Струве, под влиянием философии неокантианства, считал общественные и, в частности, экономические отношения «идиографическими». По его мнению, в обществе, в отличие от природы, не существует общих объективных законов, а существует множество конкретных обстоятельств, возникающих под влиянием случайных причин. (В частности, по мнению Струве, не существует стоимости или единой цены, а существуют цены отдельных сделок). Эти конкретные величины не могут быть обоснованы какой-либо теорией, а могут изучаться только статистическими методами. Поэтому, делал вывод Струве, «всякие рассуждения о «распределении вообще» бессодержательны» [Там же. С. 392] и, следовательно, не может быть социальной «теории» распределения.

И наконец, обратимся к критике социальной теории распределения Туган-Барановского со стороны маржиналистов, от лица которых в дискуссии по этому вопросу в России выступал А.Д. Билимович. Напомним основные идеи Туган-Барановского. Он утверждал, что на рынке товаров существует равенство, т. е. свободная конкуренция между покупателями и продавцами, в то время как в области формирования доходов, т. е. прежде всего на рынке труда, доминирует классовое неравенство, отношения «господства и подчинения», требующие государственного регулирования, т. е. проведения социальной политики. Кратко ключевая идея формулировалась как противопоставление «экономических» отношений (отношения равенства) и «социальных» отношений (отношения неравенства). «Особый разрез общественной жизни по линии: равенства – неравенства» [Там же. С. 395] – характеризовал такой подход Билимович.

Критикуя Туган-Барановского и Струве, Билимович указывал, что, во-первых, любой рынок – товаров или факторов производства – не является рынком совершенной конкуренции, здесь нет отношений «равенства», а отношения «неравенства» не связаны с какой-то особой «социальностью». «Сказать, что высота доходов определяется соотношением социальных сил – это значит произнести общую фразу, – писал он. – Все давно знают, что на рынке происходит борьба и результат ее отражает соотношение сил сторон. Весь вопрос в том, чтобы показать, какие это силы, как они действуют и каким путем из их действия

вырастают такие хозяйственные явления, как высота доходов» [Там же. С. 413]. Во-первых, отмечал Билимович, обычные продавцы и покупатели на рынке равны только формально, но в действительности у них различная степень необходимости купить или продать товар, различные резервы товаров и денег и т.д. Во-вторых, на любом рынке могут возникнуть объединения продавцов и покупателей, до известной степени монополизующие рынок. «Социальные группы» и «социальные организации» (профсоюзы, союзы предпринимателей) следует, по мнению Билимовича, также рассматривать как монополии на рынках факторов производства. «Когда говорят, что рабочие союзы увеличивают мощь рабочего класса и благодаря этому заработная плата подымается, то прежде всего здесь дело идет о чисто экономической разнице между положением людей, продающих свою рабочую силу при системе конкуренции, и положением группы, создавшей для себя частичную или полную монополию на рынке труда. То же можно сказать о многих других аналогичных условиях» [Там же. С. 397]. «... разве мелкие, средние и крупные предприниматели, сельские хозяева и промышленники, действующие при наличности конкуренции и объединенные в монопольные организации – одинаково сильны в рыночной борьбе за цены товаров?» [Там же. С. 398].

Еще одной причиной несопоставимости рынка товаров и рынка труда Туган-Барановский считал невозможность государственного регулирования товарных цен в противоположность растущему государственному регулированию заработной платы, т.е. развитию социальной политики. «Ведь никто не думает повышать или понижать товарные цены путем законодательных актов, – писал он. – Если заработная плата – лишь вид цены, законодатель должен отказаться от попытки воздействовать на высоту заработной платы, так как эта попытка осуждена на неизбежную неудачу» [Там же. С. 373–374]. «И тем не менее государство уже начало действовать в направлении регулирования заработной платы» [Там же. С. 373]. В ответ на это Билимович указывал на существующие в России так называемые «указные цены», на таксацию железнодорожных тарифов и т.п. (О чем Туган-Барановский вообще-то должен был знать).

Таким образом, в противоположность взглядам Туган-Барановского и Струве, Билимович утверждал, что в реальной экономике встречаются отношения равенства, и отношения неравенства, и отношения государственного регулирования. Все они являются социальными, «и теория доходов поэтому не более «социальна», нежели теория меновой ценности товаров» [Там же. С. 395].

В то же время Билимович не отвергал полностью теорию Туган-Барановского. Он считал, что «экономическая теория доходов должна воспользоваться здоровыми зернами, содержащимися в социальной теории распределения» [Там же. С. 401]. Во-первых, писал он, «что касается рабочей силы, правильно указание М.И. Туган-Барановского, что воспроизведение ее подчинено иным законам, нежели воспроизведение вещей. Воспроизведение и умножение ее есть процесс неэкономический, лишь отчасти направляемый экономическими влияниями» [Там же. С. 399]. Во-вторых, если под «социальными» понимать «те общественные отношения, которые вовсе не носят экономического характера или не являются экономическими непосредственно, каковы, например, политический и правовой строй общества, нехозяйственная деятельность общественной власти, культурный уровень населения, религиозные, национальные и другие неэкономические влияния, то не подлежит сомнению, что все эти условия весьма сильно влияют на оплату различных хозяйственных факторов» [Там же. С. 400].

Подводя итоги, поставим вопрос – почему «социальная теория распределения» Туган-Барановского, не являвшаяся полностью оригинальной и имевшая логические и фактические просчеты, получила такой успех и в России и за рубежом? Можно предположить следующие причины. Во-первых, в других теориях, в которых анализировались социальные отношения, ставились прежде всего более общие проблемы – у Струве это «идиографический» и «номологический» подходы, у Штольца – противопоставление экономических

и правовых отношений. У Туган-Барановского же центральной проблемой, на фоне противопоставления хозяйственных и социальных отношений, является социальная несправедливость при образовании доходов, вызывавшая всегда больше интереса широкой публики. Во-вторых, проблема социальной несправедливости и, в частности, проблема эксплуатации труда капиталом во второй половине XIX в. теоретически обосновывалась в основном в теории Маркса. Но в начале XX в. теория Маркса, по мнению Билимовича, уже устарела (вспомним, что и Туган-Барановский в начале XX в. перестал быть марксистом, но остался социалистом). «Это стало угрожать теории эксплуатации в глазах самих ее защитников, – писал Билимович. – Оставался один способ сохранить последнюю: оторвать теорию распределения от теории меновой ценности» [Там же. С. 416]. И наконец, в-третьих, проблема социальной справедливости и ее проявление в сфере образования доходов стала на рубеже XIX и XX вв. привлекать не только маргинальных революционеров, предлагавших решить проблему радикально, «разрушив мир насилия до основания», но и широкие слои общества и явилась причиной развития социальной политики.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок А. (1955). Сочинения: в 2 т. М.: Гослитиздат.
 Иванюков И.И. (1904). Основные положения теории экономической политики от Адама Смита до настоящего времени. СПб.: Брокгауз-Ефрон.
 Корелин А., Степанов С. (1998). С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: Терра. Книжный клуб.
 Милль Дж.С. (1980). Основы политической экономии. М.: Прогресс.
 Народно-хозяйственная политика (1914). Ч. 1. М.
 Рикардо Д. (2007). Начала политической экономии и налогового обложения: Избранное. М.: Эксмо.
 Солнцев С.И., Туган-Барановский М.И., Билимович А.Д. (2009). Социальная теория распределения. М.: Наука.
 Струве П.Б. (1913). Хозяйство и цена. Ч.1. М.: Типо-лит. Шредера.
 Kruse A. (1948). Geschichte der volkswirtschaftlichen Theorien. Muenchen (на немецком языке).

Покидченко Михаил Георгиевич

pokidchenko@yandex.ru

Michael Pokidchenko

Doctor habilitatus in economics, professor, leading research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Moscow State University
pokidchenko@yandex.ru

SOCIAL THEORY THE DISTRIBUTION OF M.I. TUGAN-BARANOVSKY AND ITS PERCEPTION IN ECONOMIC SCIENCE

Abstract. The article presents data that Russian economists of the late XIX – early XX centuries M.I. Tugan-Baranovsky, which after its publication in 1913, received a wide response in Russian and world economic science. The article examines the socio-economic and political situations that were completed in the formation of a system of social legislation in the countries of Western Europe at the end of the XIX century. As a result, the first elements of factory legislation were identified. Unfortunately, the reluctance of the Russian government to overcome social contradictions led to the fact that in 1917 the February and October revolutions occurred. The article further analyzes the social theory of distribution of Tugan-Baranovsky, including those related to modern theoretical and economic research, research in the field of Marxist and theoretical marginalist and institutional economics of the beginning of the 20th century. Especially it is necessary to highlight reflections on the theory of Tugan-Baranovsky, relative Bilimovich, head of the marginalist “Kiev school”. In the end, at the beginning of the 20th century, the most important problems in Europe were discovered in Europe, as well as in the paradigm of economics at the turn of the 19th and 20th centuries, and in particular, the institutional direction.

Key words: *income data, income theory, history of economics, economic science of Russia.*

JEL classification: B15, B31, B41.

REFERENCES

- Blok A.* (1955). Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vol.]. M.: Goslitizdat.
- Ivanyukov I.I.* (1904.) Osnovnyye polozheniya teorii ekonomicheskoy politiki ot Adama Smita do nastoyashchego vremeni [The main provisions of the theory of economic policy from Adam Smith to the present]. SPb.: Brokgauz-Yefron.
- Korelin A., Stepanov S.* (1998). S.Y. Vitte – finansist, politik, diplomat [Y. Witte – a financier, politician, diplomat]. M.: Terra. Knizhnyy klub.
- Mill J.S.* (1980). Osnovy politicheskoy ekonomii [Principles of Political Economy]. M.: Progress.
- Narodno-khozyaystvennaya politika [National economic policy] (1914). Chast' 1 [Part 1]. M.
- Rikardo D.* (2007). Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya: Izbrannoye [The Beginning of Political Economy and Taxation: Selected Works]. M.: Eksmo.
- Solntsev S.I., Tugan-Baranovskiy M.I., Bilimovich A.D.* (2009). Sotsial'naya teoriya raspredeleniya [Social Distribution Theory]. M.: Nauka.
- Struve P.B.* (1913). Khozyaystvo i tsena. Ch.1 [The Economy and Price. Part 1]. M.: Nauka.
- Kruse A.* (1948). Geschichte der volkswirtschaftlichen Theorien. Muenchen (in German).